

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра романской филологии

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
НА ТЕМУ:
Типология переводческих ошибок
(на материале переводов повести «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя
на испанский язык)

Выполнила:

студентка 4 курса

испанского отделения

Хайлова Дарья Михайловна

Научный руководитель:

старший преподаватель

Беркова Анна Валерьевна

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Введение	стр. 4
I глава: Характеристика переводного текста	стр. 5
I.1. Цели и задачи перевода (прагматический и коммуникационный аспекты).....	стр. 5
I.2. Норма и узус.....	стр. 8
I.3. Интерференция.....	стр. 9
I.4. О переводимости и непереводимости.....	стр. 10
I.5. Эквивалентность и лакунарность (лексический аспект).....	стр. 12
I.6. Синтаксические и морфологические трудности перевода (грамматический аспект).....	стр. 16
II глава: Переводческая ошибка	стр. 23
II.1. Понятие переводческой ошибки.....	стр. 23
II.1.1. Прагматика перевода.....	стр. 23
II.1.2. Трудность определения ошибки.....	стр. 25
II.2. Виды переводческих ошибок.....	стр. 26
II.2.1. Денотативные ошибки.....	стр. 27
II.2.2. Ошибки формы.....	стр. 30
II.3. Причины возникновения ошибок.....	стр. 34
II.3.1. Системные ошибки.....	стр. 34
II.3.2. Оказиональные ошибки.....	стр. 36
II.4. Существующие классификации.....	стр. 36
II.5. Итоговая классификация.....	стр. 41

III глава: Анализ переводов повести «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя на испанский язык	стр. 42
III.1. Денотативные ошибки.....	стр. 43
III.2. Языковые ошибки.....	стр. 53
Заключение	стр. 56
Список использованной литературы	стр. 58

Введение

На сегодняшний момент учение об эрратологии находится на начальном этапе своего развития. Еще менее изученной является сфера переводческих ошибок. Исследования в данной области могут помочь понять причины возникновения ошибок и выработать способы их избежания.

Целью данной выпускной квалификационной работы является изучение явления ошибки в переводе, анализ существующих классификаций переводческих ошибок и выработка обобщенной классификации, на основе которой будет осуществлен анализ двух переводов на испанский язык повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

В данной работе рассматриваются некоторые аспекты общей теории перевода, трудности перевода и причины возникновения переводческих ошибок. В качестве объекта анализа были выбраны два перевода повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» на испанский язык: перевод Х. Переса Маураса 1990 года и перевод, изданный мексиканским издательством Siglo Veintiuno Editores.

Данная работа состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении описываются цели и задачи данного исследования. В первой главе речь идет о целях и задачах, а также трудностях перевода, которые могут привести к возникновению ошибок.

Вторая глава посвящена проблеме определения понятия переводческой ошибки. Также во второй главе систематизированы виды ошибок и причины их появления, а также представлено описание нескольких существующих классификаций, на основе которых был выработан наш обобщенный вариант классификации переводческих ошибок.

В третьей главе представлен анализ ошибок, обнаруженных в указанных переводах согласно выработанной классификации. В общей сложности было проанализировано около 150 примеров.

В заключении подводятся итоги исследования и делаются выводы по его результатам.

I глава. Характеристика переводного текста

Хорошо выполненный перевод отличается естественностью языка, которая не позволяет читателю понять, что текст этот вторичен. В данной главе речь пойдет о различных особенностях и трудностях перевода, которые часто приводят к возникновению ошибок и препятствуют получению адекватного результата.

I.1. Цели и задачи перевода (прагматический и коммуникационный аспекты).

"Всякий текст – коммуникативен" [Комиссаров 1990: 209], потому что каждый текст содержит некую информацию, сообщение, адресованное к реципиенту. Сообщение может носить различный характер: иногда текст является источником сведений и затрагивает только интеллектуальную сферу, в иных случаях он может оказывать воздействие на эмоции и чувства реципиента, побуждая его к определенным действиям. Способность текста производить тот или иной эффект на адресата и является прагматическим аспектом текста. "Осуществление прагматического воздействия на получателя информации составляет важнейшую часть любой коммуникации, в том числе и межъязыковой" [Комиссаров 1990: 210].

Осуществление полноценной коммуникации в большинстве случаев является главной задачей перевода. "Общественное предназначение перевода состоит в обеспечении двуязычной коммуникации в максимально возможной мере по образу и подобию одноязычной коммуникации. Перевод – не только особая коммуникативная деятельность, но один из наиболее сложных видов межъязыкового и межкультурного посредничества" [Иовенко 2013: 5]. В прагматическом отношении это выражается в способствовании установлению определенных прагматических (или личностных) отношений реципиента к тексту, иными словами, перевод в идеале должен оказывать на адресата такое же воздействие, какое оказывает оригинальный текст на носителя языка

оригинала. "От реакции адресата на переведенный текст зависит достижение или недостижение коммуникативного эффекта в переводе" [Лепухова 2015: 163].

Прагматика текста выражается через его форму, через использованные адресантом языковые средства, направленные на создание определенного эффекта. Некоторые исследователи различают прагматику текста и прагматику автора, говоря о том, что это разные понятия, которые не всегда совпадают. Иногда полученный текст неполно выражает интенцию автора – "сказал не то, что хотел, или не так, как хотел" [Комиссаров 1990: 210]. К сожалению, это не всегда возможно определить, так как для восприятия и анализа оказывается доступным только полученный текст.

В процессе перевода переводчик сначала выступает в качестве реципиента текста, а затем становится источником информации для читателя ПЯ. От того, насколько хорошо поймет текст переводчик, напрямую будет зависеть восприятие произведения читателем перевода. Подразумевается, что для наиболее полного извлечения информации из текста подлинника переводчику необходимо обладать такими же фоновыми знаниями, какими обладают носители языка оригинала. Кроме того, на этапе восприятия переводчик должен быть осторожен и следить за тем, чтобы его личное восприятие текста и субъективное отношение к нему не оказались привнесены в текст перевода. Переводчик должен сохранять нейтралитет.

Восприятие текста во многом зависит и от личности реципиента перевода, от его жизненного опыта и фоновых знаний. На этапе перевыражения задача переводчика – обеспечить понимание исходного текста адресатом перевода, и поэтому переводчику приходится учитывать, что получатель перевода принадлежит к другой языковой культуре и может быть лишен представления о тех или иных реалиях культуры языка оригинала. "Отсутствие у Рецептора перевода необходимых фоновых знаний вызывает необходимость в эксплицировании подразумеваемой информации, внесении в текст перевода соответствующих дополнений и разъяснений" [Комиссаров 1990: 211]. Иногда

добавочная информация может несколько расширить или изменить текст и содержание оригинала, превращая имплицитно выраженную информацию в тексте в эксплицитную. В. Н. Комиссаров приводит такой пример: "The Prime-Minister spoke a few words from a window in Number 10" – "Любому англичанину хорошо известно, что в доме номер 10 по улице Даунинг-стрит в Лондоне расположена резиденция премьер-министра" [Комиссаров 1990: 212-213].

Адекватность перевода можно оценивать также с точки зрения не столько соответствия оригиналу, сколько целям, согласно которым осуществляется перевод. Перед переводчиком иногда ставится своего рода сверхзадача, при которой, помимо передачи содержания оригинала, перевод может быть призван оказать то или иное воздействие на реципиента или сформировать у него определенное мнение о вопросах, изложенных в тексте оригинала. Подобная сверхзадача иногда встает перед дипломатическими переводчиками, принимающими участие в политических переговорах и наделенными дипломатическими полномочиями. Такие переводчики в процессе переговоров могут опускать некоторую информацию или смягчать общий тон сообщения в целях избежания конфликта.

При рассмотрении проблемы художественного перевода более подходящим представляется функциональный подход, при котором "основное условие эквивалентности – соответствия между коммуникативной интенцией отправителя и коммуникативным эффектом конечного текста" [Швейцер 1988: 147]. Согласно концепции А. Д. Швейцера, "переводчик выявляет на основе функциональных доминант исходного текста лежащую в его основе коммуникативную интенцию и, создавая конечный текст, стремится получить соответствующий этой интенции коммуникативный эффект" [Швейцер 1988: 147].

I.2. Норма и узус.

Хороший перевод – это, прежде всего, текст, по которому с первого взгляда невозможно определить, что он переводной. Хорошо переведенный текст всегда будет восприниматься читателем легко, позволяя ему концентрироваться на содержании читаемого, а не на его форме. Плохой перевод во многих случаях, напротив, выделяется "неживым", неестественным языком. Причина этого заключается в несоблюдении правил нормы и узуса языка перевода.

"Норма – это представление коллектива носителей языка о том, что есть правильное и неправильное в языке и речи. Существовая как объективно данное, норма отражается в грамматиках, словарях, справочниках" [Латышев 2005: 64]. И хотя норма может меняться, иметь варианты, она является неким критерием оценки грамотности речи. Так, например, в английском – как устном, так и письменном – разговорном языке мы постоянно встречаем сокращенные формы "wanna", "gonna" и "gotta" вместо полных "want to", "going to" и "got to". Несмотря на то, что эти формы существуют и широко представлены в языке, они не являются нормой, и в официальной обстановке, особенно в документации или деловой переписке, не будут фигурировать. Нарушение языковой нормы при переводе редко приводит к искажениям смысла текста (хотя бывает и такое), но может создать впечатление безграмотной речи и затруднить чтение.

Но недостаточно соблюдать только требования нормы ПЯ для достижения эффекта "естественной" речи. В некоторых случаях, несмотря на отсутствие грамматических ошибок, язык перевода все равно кажется неестественным, странным, искусственным. Все употребленные выражения являются корректными, а текст звучит "не по-русски". Причина данного явления кроется в несоблюдении требований речевой нормы, или узуса. Узус осуществляет отбор языковых средств не по принципу "правильно / неправильно", а по критерию "менее предпочтительно / более предпочтительно" [Латышев 2005: 65]. Узус отражает то, как принято говорить в определенных

ситуациях. Одну и ту же реакцию можно выразить по-разному, и отличие будет заключаться только в степени употребительности и стилистической адекватности. "Узус – это правила ситуативного использования языка" [Латышев 2005: 65]. Нарушения норм узуса затрудняют восприятие текста перевода, отвлекают внимание читателя и препятствуют пониманию смысла. "Несоблюдение узуса в переводе противоречит принципу эквивалентности коммуникативного эффекта" [Латышев 1981: 191].

1.3. Интерференция.

"Два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо" (билингв), случаи же отклонения от норм любого из языков вследствие языкового контакта считается явлением интерференции [Вайнрайх 1979: 22]. Как правило, интерференция возникает, когда один язык доминирует над другим.

Однако переводческий (или профессиональный) билингвизм не совсем попадает под данное определение. От обычного билингвизма он отличается в первую очередь тем, что при переводе билингв активизирует два языка одновременно. Поэтому Н. К. Гарбовский определяет ситуацию переводческого билингвизма как динамическую, а обычный билингвизм он рассматривает как статический [Гарбовский 2007: 319]. При динамическом билингвизме, согласно его концепции, в контакт вступают не только два языка, но и две культуры, между которыми переводчик выступает в качестве посредника.

Ситуация перевода специфична еще и тем, что текст перевода вторичен, целью перевода является не создание речевого произведения, а воссоздание того, что уже выражено в оригинале. Поэтому переводчик оказывается "связан" не только рамками двух языковых систем, но и уже "материализованным в знаках одного из этих языков сообщением" [Гарбовский 2007: 318].

Ж. Мунэн указывает еще на одну особенность переводческого билингвизма, называя его "особым случаем билингвизма", при котором "говорящий билингв сознательно борется против любого отклонения от лингвистической нормы, против любой интерференции" [Мунэн 1978]. Хотя этот факт не исключает полностью влияния языковых систем друг на друга в ситуации переводческого билингвизма, область исследования в данном случае оказывается значительно ограничена.

Многие исследователи считают межъязыковую (а также межкультурную) интерференцию одной из главных причин совершения переводческих ошибок. Более подробно об этом пойдет речь во второй главе, в разделе, посвященном причинам переводческих ошибок.

1.4. О переводимости и непереводимости.

Относительно возможности осуществления полноценного перевода существуют три точки зрения: теория абсолютной непереводимости, теория абсолютной переводимости и теория относительной переводимости.

Идея абсолютной непереводимости впервые была высказана В. фон Гумбольдтом, считавшим перевод неразрешимой задачей. На сегодняшний день большинство исследователей не разделяют данную точку зрения. "Если следовать логике гипотезы лингвистической относительности, то придется признать принципиальное отсутствие билингвизма, принципиальное отсутствие синонимии, принципиальную непереводимость" [Павлова, Светозарова 2012: 101].

Существует иная радикальная позиция, гласящая, что все переводимо. А. В. Павлова и Н. Д. Светозарова в работе "Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода" приходят к выводу, что, если рассматривать данную точку зрения в рамках теории эквивалентности, то она несостоятельна. В каждом языке существуют сугубо национальные реалии, не имеющие эквивалентов в других языках, поэтому "неправомерно вести речь о полной эквивалентности" [Павлова, Светозарова 2012: 102]. Однако с точки

зрения передачи концептуального, денотативного и логического содержания, переводимо действительно все.

Большинство исследователей, однако, придерживается теории относительной переводимости, различая при этом непереводаемость и лексическую безэквивалентность. "Авторы современных работ по теории перевода придерживаются мнения, что, несмотря на наличие в каждом языке безэквивалентной лексики, переводимы в принципе любые тексты – хотя некоторые потери или, наоборот, обогащение семантики фраз и текстов при переводе неизбежны" [Павлова, Светозарова 2012: 106].

А. Д. Швейцер в поддержку "принципиальной возможности переводимости" в качестве аргумента приводит "общность логического строя мысли, общечеловеческий характер логических форм, а также наличие семантических универсалий" [Швейцер 1988: 101]. А. Д. Швейцер делает упор на значение языкового и ситуативного контекста. Контекст позволяет преодолевать в ходе перевода как семантические, так и грамматические расхождения. Например, испанское "azul" по своему значению соответствует одновременно и синему цвету, и голубому. Однако же это несовпадение легко нивелируется в более узком контексте: так, "ojos azules" мы однозначно переведем как "голубые глаза".

В то же время А. Д. Швейцер выступает против абсолютизации принципа переводимости, признавая необходимость "компромиссов", различных трансформаций, а иногда и жертв со стороны переводчика [Швейцер 1988: 102]. Также, согласно его теории, в зависимости от того, идет ли речь о тексте, как о целом, или об отдельных его элементах, по-разному решаются переводческие задачи. Говоря об отдельных элементах, мы затрагиваем сферу эквивалентности. Рассматривая же текст как единое целое, мы говорим о проблеме "адекватности" перевода.

Такую точку зрения разделяет отечественный исследователь А. В. Федоров, который отмечает, что принцип переводимости подразумевает отношение к тексту как к целому. "Отсюда возможность замен и компенсаций в

системе целого, открывающей для этого разнообразные пути; таким образом, утрата отдельного элемента, не играющего организующей роли, может не ощущаться на фоне обширного целого, он как бы растворяется в целом или заменяется другими элементами, иногда и не заданными оригиналом" [Федоров 2002]. Однако А. В. Федоров не умаляет роли деталей в тексте, напротив, он призывает помнить о единстве формы и содержания: "Воссоздание общего содержания и облика произведения, игнорирующее характерные частности, может привести к утрате его индивидуальной окраски" [Федоров 2002].

Переводимость – понятие относительное, и она далеко не всегда достижима, как невозможно и существование полной эквивалентности. Переводчику – в силу разных причин – довольно часто приходится жертвовать частным во имя главного, что вполне естественно. Однако важно помнить, что переводческие трансформации оправданы до тех пор, пока они соответствуют принципу адекватности, которая заключается в "исчерпывающей передаче смыслового содержания подлинника и полноценном функционально-стилистическом соответствии ему" [Федоров 2002].

1.5. Эквивалентность и лакунарность.

Так как механизм усвоения языка и выражения с его помощью различных идей работает одинаково у носителей и представителей всех культур, то все в языке переводимо. Однако этот факт не отменяет наличия национальных особенностей, этнокультурной специфики в каждом языке [Павлова, Светозарова 2012: 80]. В любом языке присутствует пласт так называемой "безэквивалентной лексики", что может быть обусловлено тремя причинами: "отсутствием аналогичного предмета или явления в культуре языка перевода; отсутствием идентичного понятия в культуре языка перевода и различиями лексико-стилистических характеристик в языках, вступающих в переводческие контакты" [Иовенко 2013: 103]. Ярким примером такой лексики являются реалии. Несмотря на то, что они не имеют словарного эквивалента, важно отметить, что они все же могут быть переведены: например, при

передаче их на другой язык иногда прибегают к помощи описательного перевода. Важно различать понятия непереводимости и безэквивалентности: в случаях, когда речь идет о непереводимости некоторых элементов текста, имеется в виду невозможность формального перевода.

На лексическом уровне "эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста" [Рецкер 2007: 13]. К подобным соответствиям в первую очередь можно отнести термины, и в некоторых случаях топонимы и антропонимы. Последние представляют собой разновидность реалий и могут иногда заключать в себе дополнительную смысловую нагрузку, как, например, говорящие имена и фамилии, и поэтому требовать перевода или комментария. Однако при нейтральном употреблении, достаточно транскрипции, и в этом случае мы можем говорить о полной эквивалентности.

Эквиваленты бывают полными и частичными, абсолютными и относительными.

Полные эквиваленты представляют собой элементы, которые совпадают во всех значениях или имеют в обоих языках лишь одно значение. Частичными же эквивалентами считаются многозначные слова и словосочетания, совпадающие в одном из значений.

Абсолютными эквивалентами являются единицы, которые имеют единственно приемлемое соответствие. Относительные эквиваленты могут совпадать по значению, но отличаться при этом стилистической или экспрессивной окраской.

Гораздо сложнее определить, что следует считать лакуной. Обычно лексической лакуной называют отсутствие в лексиконе одного языка эквивалента для лексической единицы другого языка [Павлова, Светозарова 2012: 85].

В первую очередь к непереводимым элементам относятся, как уже упоминалось ранее, реалии. Реалии – это слова, называющие элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного

устройства и фольклора, т.е. специфические особенности данного народа, страны, чуждые другим народам и странам [Влахов, Флорин 1980: 4]. Такая лексика действительно не имеет соответствий в других языках и культурах и передается на ПЯ с помощью описательного перевода, транскрипции или комментариев.

Непереводимой также может оказаться игра слов. В таких случаях проблема может решаться за счет компенсации: если нет возможности подобрать эквивалент в нужном месте, игра слов создается переводчиком в другом месте текста, а не там, где она присутствует в оригинале. Но при переводе, важно учитывать, является ли игра слов структурно необходимой для сюжета или носит иллюстративный характер. В первом случае может понадобиться изменить детали сюжета ради воспроизведения игры слов. Если же речь идет о каламбуре, построенном на принципе омофонии то, как правило, при переводе заменяется его форма, и в роли омофонов выступают другие лексемы, а интенция автора остается неизменной. Такие случаи подтверждают теорию о том, что, несмотря на безэквивалентность, перевод все-таки возможен. В книге "Трудности и возможности перевода" приведен такой пример игры слов: "Не устают люди думать о завтрашнем дне: какое оно будет, завтрашнее дно?" (анекдот) [Павлова, Светозарова 2012: 85]. При переводе на испанский язык здесь пришлось бы довольно трудно, так как в испанском слова "день" (día) и "дно" (fondo) несколько не схожи по звучанию и не имеют совпадающих форм. Чтобы передать игру слов, возможно, пришлось бы подбирать слова, созвучные именно в испанском языке, и менять смысл всего предложения, заменив оригинальную ситуацию на иную, соответствующую авторским задачам.

Однако неясно, стоит ли причислять к безэквивалентной лексике отсутствие в языке перевода слова, принадлежащего той же части речи. Или случаи, когда одному слову в ПЯ соответствует целое словосочетание. Кроме того, в каждом языке много абстрактных понятий, обладающих широким значением. К примеру, испанское слово "justicia" можно перевести на русский

язык тремя вариантами: 1) справедливость; 2) правосудие; 3) юстиция. На первый взгляд, не существует никакой проблемы, и выбор соответствия зависит от контекста. Но с другой стороны, по отдельности каждый из предложенных переводов не отражает всей сути и глубины понятия "justicia". Я. И. Рецкер говорит о том, что дробление значений в переводе, хотя иногда и вынужденное, обедняет смысл слова, совмещающего в себе несколько понятий, часто нерасторжимых в представлении носителя языка [Рецкер 2007: 19].

Существуют также слова с так называемой емкостью значения. Это могут быть оценочные или эмоционально окрашенные слова, обладающие таким количеством сторон и оттенков, что к ним сложно подобрать объяснение даже внутри языка [Павлова, Светозарова 2012: 90]. Примером такой лексики могут быть русские слова "простодушный" или "бесхитростный".

Существуют также такие спорные случаи, когда эквивалент имеется, но он неупотребителен или стилистически неуместен. Проблема заключается в том, что эквивалентность можно рассматривать не только на словарном, но и на функциональном уровне. При установлении эквивалента на словарном уровне не учитывается контекст, сочетаемость слова с другими элементами текста, его употребительность или стилистическая окраска. Работа с текстом часто разрушает наше представление о том, что некое слово имеет четкий эквивалент. На практике очень часто лакуны оказываются переводимыми, а не-лакуны оказываются ими в тексте [Павлова, Светозарова 2012: 100]. Поэтому следует разделять лакуны на уровне словаря и лакуны на уровне речи.

К сожалению, на настоящий момент не существует единой точки зрения по поводу того, что следует считать эквивалентом, а что – лакуной. Большую роль в разрешении данного вопроса играет субъективное мнение. "Каждый переводчик-практик, освоив теоретические основы перевода, вырабатывает собственную концепцию эквивалентности, которой он и руководствуется в своей творческой деятельности, принимая решения в силу своей общекультурной и языковой компетенции" [Гарбовский 2007: 316].

1.6. Синтаксические и морфологические трудности перевода (грамматический аспект).

"Грамматические явления того или иного языка, связанные с закономерностями его строя и ими обусловленные, в своей совокупности отличны от грамматических явлений другого языка, хотя и могут представлять в отдельных отношениях сходство или совпадать с ними" [Федоров 2002]. Грамматические средства играют большую роль в передаче информации, но отличие их от лексических средств заключается в отсутствии необходимости их воспроизведения на языке перевода. Исключениями являются случаи, когда грамматические формы подлинника играют стилистическую роль в произведении, – тогда переводчику приходится воссоздавать их функции за счет аналогичных средств ПЯ.

Так или иначе, в обоих случаях переводчику приходится прибегать к определенным трансформациям при переводе. Вообще, грамматические расхождения являются одной из главных причин осуществления переводческих трансформаций, так как именно из-за этих расхождений точный в формально-грамматическом отношении перевод часто оказывается невозможным. Точное воспроизведение грамматических элементов ИЯ, как правило, приводит или к искажению содержания подлинника, или к нарушению языковой нормы ПЯ. Стоит упомянуть, что часто значения, выраженные, например, морфологическими средствами языка, при переводе передаются с помощью синтаксиса или лексики.

А. В. Федоров выделяет три типа грамматических несоответствий [Федоров 2002]:

- 1) в ИЯ встречается элемент, которому нет формально-грамматического соответствия в ПЯ;
- 2) в ПЯ есть элементы, не имеющие формального соответствия в ИЯ, но при этом широко используемые;
- 3) в ПЯ есть грамматические элементы, формально соответствующие элементам ИЯ, но отличающиеся по выполняемым функциям.

Во втором случае перед переводчиком не возникает никаких проблем, напротив, он располагает большим разнообразием грамматических средств для выражения идеи, заложенной в оригинале. В основном трудности появляются в первом и в третьем случаях.

- **Передача на русском языке функции артикля.**

Употребление артикля в романских и германских языках несет в себе определенную смысловую нагрузку, позволяя выражать те или иные идеи без использования лексических средств. При переводе на русский сложность заключается в том, что значение артикля необходимо передать при отсутствии этой грамматической категории в языке. В некоторых случаях это становится возможным благодаря лексическим добавлениям, в других это достигается с помощью определенного порядка слов, употребления местоимений и т.п.

В качестве примера синтаксического решения проблемы

А. В. Федоров приводит перевод двух испанских предложений, которые различаются между собой только использованным артиклем: 1) *Un joven salió del hotel.* – *Из гостиницы вышел молодой человек;* 2) *El joven salió del hotel.* – *Молодой человек вышел из гостиницы.* За счет постановки подлежащего в конец или начало предложения удается передать (в первом случае) новизну информации, а во втором – оттенок определенности [Федоров 2002].

Иногда функция артикля может быть передана при помощи лексических средств. А. В. Федорова приводит пример перевода заглавия романа Мопассана "Une vie". Впервые это заглавие было переведено, как "Жизнь", что не совсем соответствует его смыслу. Неопределенный артикль подчеркивает, что речь идет об одной из множества человеческих жизней. Перевод "Жизнь", напротив, делает некое обобщение, словно речь идет о жизни вообще. В одном из последних переводов, однако, название было исправлено на "История одной жизни" [Федоров 2002].

Иногда роль артикля не удастся отразить при переводе, как это случилось с заглавием романа Теодора Драйзера "An American Tragedy",

который в русском варианте называется "Американская трагедия". Как и в предыдущем примере, неопределенный артикль здесь указывает на типичность изложенной в романе истории, говорит о существовании других подобных трагедий. Однако со стилистической точки зрения существующий перевод этого названия представляется единственно возможным.

Среди множества значений и оттенков, которые может выражать артикль, выделяется эмоциональное употребление неопределенного артикля. К примеру, в испанском языке восклицание "¡Es una actriz!" может трактоваться двумя разными способами, в зависимости от контекста или от интонации, с которой оно было произнесено. Неопределенный артикль употребляется, когда рядом с существительным появляется определение. В данном случае определение опускается, поэтому, исходя только из текста, мы не можем сказать, что именно подразумевает автор высказывания. Но при положительной интонации эта фраза может выражать восхищение *редким* талантом актрисы. Произнесенная с раздражением, эта же самая фраза будет передавать насмешку над редкой бездарностью актрисы. Ср. рус. Вот так актриса! Хороша актриса!

- **Несовпадение в употреблении местоимений.**

Расхождения в системе местоимений значительны, и в рамках данного исследования мы не ставим себе целью подробное изучение данного вопроса, но хотим привести наиболее яркие примеры в качестве иллюстрации.

В испанской языковой традиции в речи принято опускать личные местоимения, так как подлежащее в большинстве случаев легко определяется по личному окончанию глагола. Однако личное местоимение может быть использовано в качестве эмфазы: "*Eso te lo digo yo!*" При переводе этот оттенок можно передать с помощью порядка слов, ср. *Я говорю тебе это* (нейтрально) и *Это тебе говорю я* (эмфаза). В русском языке личные местоимения редко опускаются в речи. Поэтому в длинном пассаже про одного персонажа при переводе возникает риск многочисленных повторов одного и того же местоимения, ср. *он сказал, он подумал, он увидел*. Чтобы избежать

нежелательных повторов, рекомендуется использовать иные способы номинации или синтаксические средства: например, безличные конструкции *ему представилось*; *ему бросилось в глаза* и т.д.

В ряде романских и германских языков широко распространено употребление неопределенно-личного местоимения в безличных конструкциях. На русский язык оно переводится с помощью иных синтаксических или лексических средств.

В испанском языке этим местоимением является *uno* (или *una*). Например: *A veces las cosas no son lo que uno quisiera*. При переводе на русский мы можем прибегнуть к обобщающему "мы": *Не всегда все происходит так, как мы бы того хотели*. В некоторых случаях формальным переводом также может служить форма третьего лица множественного числа или второго единственного. И наконец, "uno" может быть переведено, как "человек" или "люди".

Со стороны русского языка выделяется специфическое использование местоимения "мы". Так "у нас" может означать "у меня на родине", "у меня дома" и т.п. [Павлова, Светозарова 2012: 391]. Особенно это проявляется, когда возникает противопоставление с другими странами. Также русское "мы" может использоваться в эмоционально окрашенных высказываниях с оттенком презрения или превосходства: "Ах, какие мы бедные!" В испанском языке данный способ неприемлем, и дословный перевод показался бы носителям языка странным и некорректным.

- **Accusativus cum infinitivo.**

Другое явление, распространенное в большинстве романских и германских языков – конструкция *Accusativus cum infinitivo* (в испанской традиции *Acusativo con infinitivo*). Так как эта конструкция не имеет соответствия в русском языке, она переводится сложноподчиненным предложением, "где в качестве подлежащего придаточного предложения выступает существительное, соответствующее по смыслу прямому дополнению

подлинника, а в качестве сказуемого – глагол, соответствующий по смыслу инфинитиву подлинника" [Федоров 2002]. Например: *Yo también le oí decir eso.* – Я тоже слышал, что он это сказал.

- **Неличные формы глагола в испанском языке.**

Для испанского языка характерно употребление оборотов с неличными формами глагола (инфинитив, причастие, герундий). Эти обороты бывают согласованными и абсолютными. В случае согласованных оборотов перевод осуществляется довольно легко, так как они часто соответствуют причастным и деепричастным оборотам в русском языке. Например: *Al regresar a la casa, fui a dormir.* – Вернувшись домой, я лег спать. Что касается абсолютных оборотов, они являются нарушением нормы русского языка, хотя они все чаще встречаются в русской разговорной речи. Поэтому нормативно абсолютный оборот переводится на русский язык придаточным предложением. Например: *Una vez cesada la lluvia, fuimos a la playa.* – Как только закончился дождь, мы пошли на пляж. Однако проблема заключается в том, что в испанском тексте подобных оборотов, как правило, значительно больше, чем в русском, и при переводе важно не перегружать текст придаточными предложениями.

- **Разнообразие причастных форм в русском языке.**

Система русских причастных форм в русском языке значительно более разнообразна, нежели во многих романских и германских языках. Она состоит из причастий настоящего и прошедшего времени действительного и страдательного залогов совершенного и несовершенного вида, а также форм деепричастий настоящего и прошедшего времени.

При передаче этих форм на испанский язык, не возникает больших проблем. Формам причастия действительного залога в испанском языке соответствуют определительные придаточные. Например: *Люди, работающие в этой фирме...* – *La gente que trabaja en esta empresa...*

Для передачи причастий страдательного залога настоящего времени может быть использован глагол в форме страдательного залога, а страдательным причастиям прошедшего времени соответствует испанское причастие.

Что касается деепричастных оборотов, то им соответствуют обороты с неличными формами глагола, о которых шла речь выше. В данном случае используются конструкции с инфинитивом или герундием. *Он ушел, ничего не сказав. – Se fue sin decir nada.*

- **Категория вида в русском языке.**

Тема категории вида в русском языке достойна отдельного полноценного исследования, но мы не можем не упомянуть, хоть и вскользь, о данной проблеме.

Как известно, во многих романских и германских языках категория вида отсутствует. В русском языке форма вида глагола выражает значения, которые во многих других языках передаются благодаря различию временных форм. Например, форме глагола совершенного вида в прошедшем времени, в зависимости от контекста, может соответствовать либо *Preterito Perfecto*, либо *Preterito Indefinido*, а форме несовершенного вида – *Preterito Imperfecto* или конструкция *estar + gerundio*. В некоторых случаях при передаче многообразия видовых отношений на иностранный язык переводчикам приходится прибегать и к другим средствам: лексическим, морфологическим и пр.

- **Грамматические варианты.**

Еще одна грамматическая трудность перевода заключается в наличии нескольких грамматических возможностей (вариантов) перевода. А. В. Федоров в своей работе "Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы)" говорит о существовании грамматических синонимов в языке: в русском такими синонимами являются определительное придаточное предложение и причастный оборот, обстоятельственное придаточное предложение времени или

образа действия и деепричастный оборот, условное придаточное предложение (как союзное, так и бессоюзное) и обстоятельственное сочетание с предлогом "при" [Федоров 2002].

Как и лексические синонимы, грамматические варианты часто неравнозначны с точки зрения стилистического употребления. Иногда вариант, более близкий к подлиннику по структуре, является менее употребительным или стилистически подходящим в узком контексте. А. В. Федоров приводит такой пример: перевести заглавие романа В. Гюго "L'homme qui rit" как "Смеющийся человек", а не "Человек, который смеется" было бы некорректно, так как в данном случае необходимо сделать акцент на действии, а не на качестве, свойственном персонажу [Федоров 2002].

В заключение можно сделать вывод о том, что, несмотря на все трудности, с которыми сталкивается переводчик при передаче грамматических значений, "несоответствия в грамматической системе двух языков и вытекающая из них невозможность формально точно передать значение той или иной грамматической формы постоянно компенсируется с помощью других грамматических же средств или же средств словарных" [Федоров 2002].

II глава. Переводческая ошибка

В данной главе мы попытаемся дать определение понятию переводческой ошибки, перечислим виды переводческих ошибок, назовем некоторые из наиболее распространенных причин их возникновения, а также рассмотрим несколько существующих классификаций переводческих ошибок и предложим свой вариант классификации.

II.1. Понятие переводческой ошибки.

На сегодняшний момент не существует единого мнения по поводу того, что считать переводческой ошибкой. Многие исследователи приходят к выводу о том, что зачастую это вопрос субъективной оценки и этики переводчика. Однако некоторые общие характеристики переводческой ошибки все же возможно назвать.

II.1.1. Прагматика перевода.

При рассмотрении вопроса, что именно считать переводческой ошибкой, необходимо учитывать много различных факторов, и один из наиболее значимых – прагматика перевода. Прагматическим аспектом перевода является "влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремления обеспечить желаемое воздействие на Рецептора перевода" [Комиссаров 1990: 210]. Иными словами, в разных ситуациях общения рождаются разные тексты, отличающиеся друг от друга своими жанровыми характеристиками и использованным языковым материалом, "существующие в неповторимом единстве формы и содержания" [Сдобников, Петрова 2006: 144]. Таким образом, разные тексты в зависимости от их прагматики можно рассматривать как обладающие большей или меньшей степенью переводимости. Чем выше переводимость текста оригинала, тем меньше вероятность совершения ошибки при переводе.

А. Нойберт стал одним из первых исследователей, определивших прагматику как один из важнейших аспектов теории перевода. Степень передачи прагматики текста оригинала он считал главным критерием хорошего перевода. Говоря о проблеме переводимости, он различал четыре типа прагматических отношений, которые могут встретиться в тексте, соответственно им выделяя четыре типа перевода [Нойберт 1978: 197-198].

К первому типу относятся тексты, изначально ориентированные на аудиторию ПЯ (публикации для зарубежных стран, информационно-пропагандистские материалы), поэтому они успешно переводимы, и с ними почти не возникает проблем.

Ко второму типу относятся тексты, специально предназначенные для аудитории ИЯ: например, тексты законов, местная пресса, объявления. По мнению А. Нойберта, они принципиально непереводимы, потому что их направленность исключает возможность их воспроизведения для аудитории ПЯ. Такой взгляд на проблему разделяют далеко не все исследователи. По мнению некоторых из них, всегда есть возможность прибегнуть к помощи комментариев в тексте для пояснения незнакомых носителям ПЯ реалий. "Комментарии, способствуя успешной коммуникации, призваны восполнить когнитивные пробелы, то есть недостаток энциклопедических неязыковых знаний" [Павлова, Овчинникова: 147]. Однако такой перевод действительно сложнее осуществить, чем перевод, скажем, текстов первого типа, так как он требует большей адаптации.

К третьему типу относятся тексты, отвечающие потребностям представителей и ИЯ, и ПЯ. Это могут быть информационно-технологические тексты, рассчитанные на большие группы людей, задействованных в одной сфере и обладающих, в большей или меньшей степени, равным уровнем компетенции. Такие тексты обладают "высшей переводимостью" с прагматической точки зрения, так как их смысловое содержание выражается, как правило, при помощи терминов, имеющих эквивалентное соответствие в ПЯ.

К четвертому типу принадлежат тексты художественной литературы. Они могут обладать достаточно высокой степенью переводимости, так как могут затрагивать общечеловеческие темы и быть хорошо воспринятыми как читателями ИЯ, так и ПЯ. Но могут также быть трудно переводимыми, так как художественные тексты направлены на передачу эстетической, эмоциональной информации, и поэтому здесь легче допустить ошибку в интерпретации замысла автора. Художественные тексты не отражают групповых интересов, а напротив, "порождаются одним лицом – автором, который является не только индивидуумом, но и творцом уникально организованной эстетической информации" [Алексеева 1998: 116]. Каждый человек при прочтении, в том числе и переводчик, будет воспринимать такой текст индивидуально, "в меру своей эстетической компетентности" [Алексеева 1998: 116]. Именно этот тип текстов является объектом нашего исследования.

II.1.2. Трудность определения ошибки.

Что такое ошибка, кажется, представляется вполне понятным. Ошибка – это, прежде всего, непреднамеренное отклонение от правила, нормы. Однако под это определение не попадает понятие переводческой ошибки – к нему, скорее, можно отнести студенческие ошибки или ошибки, допущенные в рамках точных наук, где существуют четкие формулы. Когда дело касается перевода, однозначного ответа на вопрос, что является ошибкой, не существует.

При переводе мы сталкиваемся с расхождениями двух языковых систем, между которыми бывает затруднительно установить четкие соответствия. Так как главная цель перевода – осуществление коммуникации посредством адаптации способа выражения ИЯ к нормам и узусу ПЯ, переводчику приходится прибегать к определенным трансформациям. "Перевод – это всегда перевыражение" [Гарбовский 2007: 11]. Очень часто перевод путем простого подбора эквивалентов оказывается недостаточным, а иногда и невозможным, потому что в любом тексте устоявшиеся соответствия представляют меньшинство. Буквальный перевод, если только он не был целью

подстрочника, сегодня не считается примером адекватного перевода, потому что, несмотря на полное отражение структуры языка оригинала, он не справляется с основной своей задачей – коммуникацией. Буквалистский перевод может не только исказить содержание, но также нарушить нормы и узус ПЯ. Последнее встречается особенно часто. Такой перевод тяжело воспринимается читателем. Л. К. Латышев в своей книге "Технология перевода" говорит о том, что там, где "непривычность способа выражения, неправильность речи не является специальным средством выразительности, она становится фактором, препятствующим успешной коммуникации" [Латышев 2005: 36]. "Задача переводчика – передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности" [Рецкер 2007:10]. Под точностью автор подразумевает тождество информации, а под целостностью – единство формы и содержания на новой языковой основе, передачу информации равноценными средствами. Поэтому для осуществления полноценного перевода, безусловно, необходимы трансформации. Но вот определить, когда эти трансформации правомерны и отражают только ту информацию, которая содержится в тексте оригинала, бывает затруднительно.

II.2. Виды переводческих ошибок.

Большинство исследователей приходит к выводу о том, что переводческие ошибки можно разделить на две основные группы: ошибки смысла (или денотативные ошибки) и ошибки формы. Внутри каждой группы можно выделить несколько разновидностей ошибок. Так, среди денотативных ошибок мы можем выделить пропуски, искажения, неточности и неясности. Ошибки формы подразделяются на чисто языковые ошибки, функционально-стилистические ошибки и ошибки, связанные с перевыражением фигур образной речи.

II.2.1. Денотативные ошибки.

- **Опущения и пропуски.**

Далеко не всякое расхождение между оригиналом и переводом можно считать переводческим несоответствием. Например, такое явление как опущение порой не является ошибкой, а, напротив, представляет собой часть переводческой стратегии. Такой род стратегии называется деформацией. "Деформация – это осознанное искажение какого-либо параметра текста оригинала, обоснованное стремлением решить глобальную переводческую задачу" [Гарбовский 2007: 513]. Опущения имеют под собой лингвистическую основу и обусловлены межъязыковой асимметрией, которая проявляется в невозможности передать средствами ПЯ игру слов, заключенную в оригинале. В таких случаях опущение становится вынужденной мерой со стороны переводчика, которая никак не говорит о недостатке его компетенции.

Совсем другое дело – пропуски, или так называемые переводческие лакуны. Это явление возникает не тогда, когда ПЯ в принципе не располагает средствами для выражения содержания оригинала, а просто в труднопереводимых местах. Поэтому пропуски свидетельствуют о недостаточной компетенции переводчика и не имеют лингвистической природы, а соответственно, могут быть отнесены к переводческим ошибкам. В переводе Х. Переса Маураса повести "Тарас Бульба" на испанский язык часто оказываются не переведены разговорные выражения, например: *Они [служанки], как видно, испугались приезда паничей, не любивших спускаться никому.* – *Séase porque se asustaron por la presencia de sus jóvenes señores.* В данном случае опускается существенное для характеристики персонажей описание, которое приводит к искажению смысла. Может сложиться впечатление, что служанки, о которых идет речь в предложении, просто были пугливыми.

Существует и иное явление, относящееся к разряду деформаций, которое, однако, не исключает из перевода фрагмента текста, а, наоборот, добавляет, иными словами, речь идет о неоправданном расширении. Такая переводческая тактика встречалась гораздо чаще до 20 века, нежели сейчас. Эти тенденции могут быть объяснены тем, что считалось, будто переводчик

является соавтором, а иногда и независимым писателем, творцом, который на основе исходного текста создает совершенно новое произведение. Соответственно, переводчик имел право формировать стиль произведения, вносить поправки и даже полностью менять смысл текста оригинала. Так как переводчики много добавляли от себя, на выходе получался текст, несопоставимый с текстом оригинала. Так, к примеру, переводы К. Д. Бальмонта стихов английского поэта П. Б. Шелли пестрят подобными расширениями: там, где в оригинале написано *лютня*, в оригинале появляется *рокот лютни чаровницы* [Чуковский 1968: 24]. Сейчас такой подход считается неприемлемым, и на сегодняшний день главное условие перевода – это верная передача содержания. Поэтому к наиболее серьезному разряду ошибок сегодня относят денотативные ошибки. В вопросе о том, следует ли такого рода ошибки относить к переводческим, разногласий между исследователями не возникает.

- **Искажения.**

Денотативные (смысловые, когнитивные) ошибки возникают в процессе передачи содержания исходного текста. Среди них можно выделить: искажения, неточности, неясности и двусмысленности. В основе их классификации лежит специфика и степень воздействия ошибки на адресата перевода. Искажения в этой градации стоят на первом месте, так как они существенно дезинформируют адресата относительно того, что на самом деле сказано в исходном тексте [Латышев 2005: 235]. "Искажение предметной соотнесенности вследствие неверно понятого отрезка исходного текста или ошибочного выбора средств ПЯ не позволяет читателю транслята определить область референции исходного текста" [Павлова, Овчинникова: 197], что препятствует осуществлению успешной коммуникации.

- **Неточности и неясности.**

Неточности также дезинформируют адресата перевода относительно предмета высказывания. Но в данном случае степень дезинформации менее существенна, чем в случае искажения [Латышев 2005: 235]. Ср. рус. *лысый* и *плешивый* – общий смысл сохраняется (отсутствие волос на голове), но стилистически между этими двумя словами есть существенное различие, и перевод нейтрального испанского *calvo* русским *плешивый* может в некоторых контекстах исказить смысл, так как "плешивый" также может означать "облезлый" и иметь однозначно деспективный оттенок.

К неточностям относят и так называемую "фигуру умолчания", то есть неполный перевод словосочетания или составного термина [Павлова, Овчинникова: 150]. В испанском переводе "Тараса Бульбы" Х. Переса Маураса не полностью переведена следующая фраза: *He нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков...* – *No queremos pasteles con miel ni guisaditos.* Возможно, в данном случае переводчик не захотел отягощать текст большим количеством реалий, которые непременно потребовали бы комментариев, и решил передать общий смысл понятным читателю языком. Такая неполнота может остаться незамеченной читателем, так как в переводе часто не остается никаких следов пропущенного содержания. "Фигура умолчания" может привести не только к элиминации смысла, но и к расширению значения понятия, что придает тексту более обобщенный характер.

Неясность от искажения и неточности отличается тем, что не столько дезинформирует адресата перевода, сколько дезориентирует его. Искажения и неточности приводят к неверному пониманию смысла произведения, а неясности вводят читателя в замешательство, при котором он не знает, каким образом ему толковать прочитанное. Точно такое же воздействие на адресата оказывают и двусмысленности.

II.2.2. Ошибки формы.

Существует мнение, что ошибки формы не следует относить к переводческим ошибкам. Поэтому некоторые исследователи относят подобного рода ошибки к собственно языковым ошибкам, т.е. ошибкам, вызванным непониманием содержания текста, а плохим владением языком ПЯ. Такую точку зрения можно принять, если говорить только о переводе на неродной язык. "Если бы языковые ошибки были обусловлены только плохим владением ПЯ, их не допускали бы образованные и грамотные переводчики в транслятах на родном языке" [Павлова, Овчинникова: 12]. Значит, можно говорить о том, что они вызваны именно ситуацией перевода.

Во-вторых, неверным будет утверждение и о том, что языковые ошибки существенно не влияют на содержание перевода. Если денотативные ошибки искажают предметную отнесенность текста, затрудняют поиск области референции, то функциональные ошибки посредством речевого сообщения разрушают социальное взаимодействие [Павлова, Овчинникова: 147].

- **Собственно языковые ошибки.**

М. А. Куниловская предлагает следующее деление языковых ошибок: 1) лексические; 2) грамматические (морфологические и синтаксические); 3) орфографические и пунктуационные [Куниловская: 7].

К лексическим ошибкам относятся тавтология, нарушение сочетаемости слов, использование слов в несвойственных для них контекстах [Куниловская: 7].

К синтаксическим – нарушение порядка слов в предложении.

К морфологическим – нарушение правил согласования и управления.

Некоторые исследователи, говоря о языковых ошибках, также выделяют подкласс узувальных ошибок. "С точки зрения нормы мы имеем дело с дихотомией "правильно-неправильно", а с точки зрения узуса – "уместно-неуместно" [Шевнин 2009: 161]. Одна и та же фраза может быть правильно построенной с точки зрения нормы русского языка, но различные ее варианты

могут быть более или менее узуальны (типичны) в разных ситуациях общения. Например, спросить на рынке "Какова цена ваших огурцов?" вместо "Почем огурцы?" или "Сколько стоят огурцы?" можно, и вас даже поймут, но звучать это будет несколько смешно, так как такая фраза нетипична для данной ситуации общения [Латышев 2005: 65].

- **Функционально-стилистические ошибки.**

К художественному переводу нельзя подходить "чисто технически, с точки зрения перевода смысла" [Пробштейн 2014], ведь сложность художественного перевода заключается именно в необходимости передать на языке ПЯ не только то, *что* сказано в тексте оригинала, но и то, *как* это сказано. Хотя художественный текст включает в себе и информационную составляющую, это не является его отличительной особенностью. Сложность состоит в том, что содержание художественного текста является многоплановым: литературный текст призван оказывать на читателя и эмоциональное, и эстетическое, и рациональное воздействие, формируя у него определенное отношение к тем или иным описанным событиям. Вполне естественно, что для данных целей необходимы и особые способы передачи информации. В этом случае могут быть задействованы языковые средства всех уровней: ритмическая организация текста, фоносемантика, лексическая семантика, грамматическая семантика и т.д. [Сдобников, Петрова 2006: 351]. Часть содержания литературного произведения заключена в его форме, и нарушение авторского стиля при переводе может привести к тому, что у читателя сложится неверное представление о позиции самого автора по отношению к изложенному в тексте.

В упомянутой выше работе "Переводческий билингвизм" выделяется еще один вид стилистических ошибок, а именно так называемые "стилистические неровности" [Павлова, Овчинникова: 158-159]. Иногда переводчик из-за отсутствия четкой стратегии не придерживается одного стиля

на протяжении произведения, постоянно сменяя стилевой регистр, в то время как язык оригинала предельно выдержан.

Кроме индивидуального слога автора, важно учитывать также национальные языковые особенности. В каждой культуре существуют свои представления о том, что является хорошим стилем. Например, для испанского языка характерно употребление в качестве эпитетов нескольких полных синонимов, что является нормой. В русской же традиции это считается тавтологией. Если сохранить эту национальную испанскую особенность речи при переводе на русский, то русский читатель может увидеть в этом безграмотность и дурной вкус автора. В таком случае важно адаптировать стиль оригинала к восприятию адресата перевода.

Бывают иные случаи, когда переводчики адаптируют текст к реалиям носителей ПЯ настолько, что произведение полностью теряет свою национальную стилистическую окраску. Такой подход сегодня считается ошибочным. Л. С. Бархударов в своей работе "Язык и перевод" подчеркивает, что так называемое "склонение на русский лад" может привести как к смысловому, так и к стилистическому искажению подлинника [Бархударов 1975].

- **Образность и экспрессивность.**

Информация в художественном тексте, в отличие от текстов научных или технических, может сообщаться не только эксплицитно, но и имплицитно — с помощью всевозможных иносказаний: метафор, аллегорий, символов — которые порой допускают множество прочтений.

Неправильный перевод форм образной речи относится к разряду ошибок, обусловленных неверным истолкованием смыслов текста оригинала. По существу перевод фигур речи, основанных на метафорическом принципе, не должен представлять сложности: метафоры и средства их передачи существуют практически во всех языках. Но кроме клишированных метафор, которые не так сложно выделить в тексте и для которых возможно найти соответствия в ПЯ,

существуют еще и индивидуальные метафоры и аллегории. "В художественном тексте реальность преломляется через художественное видение автора" [Алексеева 1998: 119], и это может значительно усложнить задачу переводчика, так как даже при наличии обширных фоновых и культурных знаний авторский замысел может быть им неверно интерпретирован. Подобные явления относятся к так называемым "косвенным речевым актам" [Гарбовский 2007: 516], т.е. к высказываниям, внешняя форма которых может скрывать истинную интенцию автора.

Кроме того, большую роль при прочтении текста могут играть национально-культурные стереотипы. В любом языке существует набор стереотипных, устойчивых сравнений, метафор и эпитетов, которые не воспринимаются носителями языка как художественные, но которые могут показаться яркими и оригинальными читателям ПЯ. С одной стороны, если переводчик сохранит метафору в неизменном виде при переводе, то будет нарушена интенция автора, который не подразумевал в данном фрагменте никакой экспрессии, и тогда в подобном переводческом решении можно будет увидеть несоответствие. Ведь читатель оригинала воспримет произведение как низко художественное, а читатель перевода решит, что оно написано выразительным и образным языком. С другой стороны, стереотипные метафоры и эпитеты могут рассматриваться как национальные реалии, и с этой точки зрения сохранение их в тексте перевода не лишено смысла. Так или иначе, важно признать, что перевести художественный текст так, чтобы он произвел на иностранного читателя именно то впечатление, на которое рассчитывал автор оригинала, в высшей степени сложно: культурные реалии всегда будут восприниматься читателем ПЯ как нечто экзотическое и яркое, но в то же время не обратят на себя внимания носителя языка оригинала.

II.3. Причины возникновения ошибок.

Согласно концепции А. Б. Шевнина, существует два вида ошибок: системные (или предсказуемые) и окказиональные (непредсказуемые, несистемные). Ошибки первой группы считаются "ошибками компетенции", ошибки второй группы возникают под воздействием внешних обстоятельств, как, например, напряженные условия работы, или человеческого фактора – усталости, забывчивости и т.п. [Шевнин 2004: 36].

II.3.1. Системные ошибки.

- Ошибки, вызванные недостатком компетенции.

Одной из самых очевидных причин возникновения денотативных ошибок является плохое владение языком оригинала. Непонимание смысла оригинала затрудняет выбор правильного переводческого соответствия. В данном случае можно говорить о недостаточной языковой квалификации переводчика.

В некоторых случаях содержательные ошибки обусловлены плохим владением языком перевода. Несмотря на понимание содержания текста оригинала, на этапе перевыражения переводчик оказывается неспособен подобрать в ПЯ формы, эквивалентные формам подлинника [Гарбовский 2007: 527]. Подобного рода ошибки также свидетельствуют о непрофессионализме переводчика.

- **Межъязыковая интерференция.**

Считается, что большинство ошибок возникает по причине межъязыковой интерференции, т.е. воздействия системы одного языка на другой в условиях двуязычия. "Перевод – это ситуация двуязычной коммуникации, в основе которой лежит билингвизм, т.е. способность переводчика использовать в коммуникации два языка" [Гарбовский 2007: 316]. Оказавшись в ситуации коммуникации на одном из двух языков, переводчик испытывает на себе влияние системы другого языка. Переводческий

билингвизм, в отличие от классического билингвизма, является профессиональным и поэтому часто носит асимметричный характер, при котором родной язык доминирует над изученным.

Л. С. Бархударов не относит ошибки, вызванные межъязыковой интерференцией, к собственно переводческим ошибкам. Он говорит о том, что такие ошибки неизбежны и "часто носят не индивидуальный, а закономерный характер, поскольку они вытекают из объективно существующих расхождений между системами двух языков – исходного и переводящего" [Бархударов 1975: 32]. Переводческие же ошибки, согласно его концепции, представляют собой результат "индивидуального, случайного явления – недостаточной квалификации или незнания того или иного языкового или экстралингвистического факта" [Бархударов 1975: 32].

Интерференция может проявляться не только в виде влияния системы одного языка на систему другого, но и "воздействием текста оригинала на мышление переводчика" [Гарбовский 2007: 515]. Именно поэтому иногда специалист, прекрасно владеющий переводящим языком, оказавшись в ситуации перевода, может затрудняться в выборе эквивалента, переводить близко к тексту по структуре, забывая о возможных трансформациях, или совершать выбор в пользу нейтральных соответствий вместо использования красочных эпитетов.

- **Межкультурная интерференция.**

Переводчик выступает не только в роли языкового посредника, но и в роли посредника в межкультурной коммуникации. Несмотря на то, что переводчик в силу своей профессии имеет достаточно обширные познания в области культуры переводящего языка, тем не менее, он не является ее представителем и может не знать всех ее особенностей. Поэтому переводческие денотативные ошибки зачастую обусловлены незнанием реалий.

Иногда смысловые ошибки возникают "вследствие культурных различий – например, неравноценности смыслов и знаков, принадлежащих

общей для многих национальных культур библейской традиции или еврейской цивилизации" [Павлова, Овчинникова: 153]. В испанской традиции выражение *pan cotidiano* имеет более широкое значение, чем его русский эквивалент "хлеб насущный". В русской традиции это словосочетание прежде всего связано с темой пропитания, в испанской же оно может означать любое банальное, повседневное, регулярно повторяющееся явление. Таким образом, одно и то же выражение в разных культурах обрело разную семантику, и его испанский и русский варианты нельзя считать полными переводческими эквивалентами.

II.3.2. Окказиональные ошибки.

Окказиональные ошибки не носят закономерного характера и не говорят о непрофессионализме переводчика. Они возникают, как правило, под воздействием внешних факторов. Например, они могут стать результатом усталости или отсутствия концентрации у переводчика. Окказиональные ошибки также бывают вызваны условиями работы, в которых находится переводчик: например, сжатые сроки осуществления перевода.

Окказиональные ошибки, как правило, проявляются в виде опечаток или морфологических ошибок и не искажают содержания текста. Их также легко обнаружить и исправить в процессе редактирования текста. Поэтому вряд ли стоит относить их к собственно переводческим ошибкам.

II.4. Существующие классификации переводческих ошибок.

На данный момент существует большое количество классификаций и подходов к их созданию. Некоторые классификации имеют достаточно узкую направленность и рассматривают только один из аспектов переводческих ошибок. Существуют классификации ошибок с точки зрения языка, классификации по степени дезинформирующего действия, с учетом прагматики текста, с точки зрения причин возникновения ошибок, классификации по принципу логичности и т.д. Мы выбрали для рассмотрения наиболее общие из

них, а именно классификации Л. К. Латышева, А. Б. Шевнина, Н. К. Гарбовского и А. Павловой и И. Овчинниковой.

- **Классификация Л. К. Латышева.**

Л. К. Латышев классифицирует ошибки по степени нарушения переводческой эквивалентности, или по степени дезинформирующего действия. Он выделяет два основных типа ошибок: функционально-содержательные и языковые.

"К ошибкам первого типа относятся существенные недочеты в передаче исходного содержания, отрицательно сказывающиеся на воспроизведение функции исходного текста" [Латышев 1981: 221]. Данный тип подразделяется на искажения, неточности и неясности. Каждый из этих разрядов был рассмотрен ранее.

Среди языковых ошибок Л. К. Латышев выделяет системно-языковые, нормативно-языковые и нормативно-речевые (узуальные) ошибки [Латышев 1981: 230].

Системно-языковые ошибки нарушают языковую логику, но не искажают содержания оригинала, так как правильный вариант легко просматривается благодаря контексту. К системным ошибкам относятся также нарушения лексико-семантической сочетаемости слов, нарушения "количественной" сочетаемости, выбор семантически неадекватных языковых единиц.

К нормативно-языковым ошибкам относятся морфологические ошибки, ошибки в предложном управлении и в употреблении союзов и функционально-стилистические нарушения.

Узуальные ошибки являются наиболее распространенными и выражаются в несоблюдении речевых норм. Например, к подобным ошибкам можно отнести употребление непривычных для носителей языка перевода словосочетаний, несоблюдение традиционного способа передачи иностранных

реалий или перенос названий реалий из одной культурно-исторической традиции в другую [Латышев 1981: 236].

- **Классификация А. Б. Шевнина.**

А. Б. Шевнин предлагает классификацию переводческих ошибок согласно этапам перевода, на которых они возникают. Он выделяет две основные группы: ошибки импрессивного типа (агнонимы), т.е. ошибки восприятия, и ошибки экспрессивного типа (паранормативы), возникающие на этапе перевыражения. Поэтому ошибки экспрессивного типа объединяют в себе как собственно переводческие, так и чисто языковые ошибки. А. Б. Шевнин также указывает на то, что агнонимы составляют только 25% всех ошибок и, соответственно, встречаются в 3 раза реже, чем паранормативы [Шевнин 2009: 157]. Поэтому паранормативы рассмотрены им значительно более подробно.

Все паранормативы можно разделить на три класса:

1. лингвокогнитивные;
2. лингвокультурные;
3. языковые/речевые.

К лингвокогнитивным паранормативам относятся случаи несоблюдения сочетаемости – как лексической, так и грамматической. Лексическая сочетаемость заключается в возможности образовывать полноценные словосочетания при сочетании существительных, прилагательных, глаголов и наречий. При грамматической сочетаемости главное слово (существительное, прилагательное или глагол) употребляется с определенным предлогом или грамматической конструкцией. Например, в русском языке глагол "помочь" не требует предложного управления, тогда как в испанском глагол "ayudar" употребляется с предлогом "a".

К лингвокогнитивным паранормативам также относятся случаи паронимии. "Непреднамеренное смешение паронимов является сигналом нарушения нормы языка и правильности речи" [Шевнин 2009: 160].

Лингвокультурные паранормативы - это паранормативы узуального типа, "появление которых связано с незнанием жанрово-стилевых особенностей переводимых текстов" [Шевнин 2009: 160]. Они не нарушают литературной нормы, но в рамках определенного жанра или стиля выглядят неуместно.

К языковым паранормативам А. Б. Шевнин относит ложных друзей переводчиков, смешение глагольных видовременных форм, падежные несогласования, тавтологию, орфографические и пунктуационные ошибки.

- **Классификация Н. К. Гарбовского.**

Н. К. Гарбовский, как и А. Б. Шевнин, классифицирует ошибки в зависимости от того, на каком этапе перевода они возникают. "Ошибки могут быть обусловлены как неверной расшифровкой смысла знаков, составляющих единицу ориентирования, так и неправильным выбором знаков в переводящем языке для оформления единицы перевода" [Гарбовский 2007: 515]. Поэтому Н. К. Гарбовский выделяет ошибки, обусловленные непониманием смыслов исходного текста, и переводческие ошибки, возникающие на этапе перевыражения системы смыслов, к которым он также относит стилистические ошибки.

Согласно концепции Н. К. Гарбовского, "переводческие ошибки, происходящие от непонимания смыслов оригинального текста, возникают на разных уровнях речевой цепи, т.е. когда единицей ориентирования оказываются разные по своей протяженности и структуре знаки" [Гарбовский 2007: 517]. Таким образом, он выделяет следующие уровни возникновения ошибок понимания:

- Ø уровень простого понятия;
- Ø уровень сложного понятия;
- Ø уровень суждения;
- Ø уровень представления о предметной ситуации.

Ошибки, происходящие на уровне "знак – понятие" происходят в результате неверных трансформаций, когда переводчик приписывает знакам

совсем не те понятия, которые они заключают в себе на самом деле [Гарбовский 2007: 517].

Ошибки на уровне "знак – сложное понятие" возникают при переводе не отдельных слов, а словосочетаний.

К группе ошибок на уровне "знак – суждение" относятся ошибки в расшифровке "смысла целых суждений и более сложных логических конструкций" [Гарбовский 2007: 522]. Причина таких ошибок часто кроется в недостаточно внимательном отношении к синтаксической организации высказывания.

Последнюю группу составляют "искажения в представлении в тексте перевода ситуаций, описанных в тексте оригинала" [Гарбовский 2007: 524]. Для верной расшифровки смысла представленной в тексте ситуации переводчику необходим когнитивный опыт именно в той сфере жизни, которую описывает в своем произведении автор. Когда когнитивный опыт переводчика меньше опыта автора оригинала, могут возникнуть следующие ошибки: переводческие лакуны, слепое следование тексту подлинника без понимания его смысла или подмена трактовки автора своей собственной.

Далее рассматриваются ошибки на этапе перевыражения системы слов. Они обусловлены недостаточным владением переводчика языком перевода и его неспособностью найти в ПЯ соответствующие эквиваленты. В эту группу Н. К. Гарбовский включает и стилистические ошибки, так как они спровоцированы не затруднением в понимании текста, а допущением неточностей при преобразовании текста.

- **Классификация А. Павловой и И. Овчинниковой.**

Авторы работы "Переводческий билингвизм" предлагают деление всех переводческих ошибок на три основные группы: денотативные (смысловые, содержательные), стратегические и языковые ошибки.

Смысловые ошибки можно разделить на субъективные ошибки, вызванные сбоем в смысловом восприятии текста, и ошибки,

спровоцированные различиями контактирующих языков и культур. Еще одно деление, которое предлагается в данной работе, различает ошибки текстовые и дискурсивные. Ущерб от текстовых ошибок возможно компенсировать за счет контекста, в то время как дискурсивные ошибки выявляются при обращении к дополнительным источникам.

Стратегические ошибки возникают "на стадии, следующей за фазой осмысления текста, но предшествующей собственно началу перевода в виде непосредственной записи" [Павлова, Овчинникова: 154]. Среди стратегических ошибок выделяют:

- Ø функционально-стилистические ошибки;
- Ø прагматические ошибки (нарушающие интенцию автора);
- Ø ошибки, нарушающие логику построения текста.

А. Павлова и И. Овчинникова настаивают на принципиальном включении языковых ошибок в группу переводческих ошибок, говоря о том, что очень часто они возникают под воздействием ситуации перевода.

II.5. Итоговая классификация.

С учетом всех описанных классификаций можно предложить следующее деление переводческих ошибок:

I. Денотативные ошибки:

1. Семантические;
2. Искажения;
3. Неточности / неясности;
4. Пропуски;
5. Расширения.

II. Языковые ошибки:

1. Нормативно-языковые;
2. Узуальные;
3. Функционально-стилистические.

III глава. Анализ переводов повести "Тарас Бульба"

Н. В. Гоголя на испанский язык

Повесть Н. В. Гоголя "Тарас Бульба" неоднократно переводилась на испанский язык: существуют переводы Исабель Висенте (Мадрид, 1984), Галы Ариас Рубио (Мадрид 2006), Х. Переса Маураса (1999), а также перечень переводов без указания автора.

В рамках данного исследования было проанализировано два перевода повести "Тарас Бульба" Н. В. Гоголя. Первый перевод датирован 1999 годом, его автор – Х. Перес Маурас. Этот перевод в дальнейшем будет идти под номером 1. Имя автора второго перевода установить не удалось установить, но известно, что перевод был издан в Мексике в издании Siglo Veintiuno Editores. Ситуация, когда имя переводчика не указывалось, зачастую наблюдалась в начале и середине 20 века, и это могло быть связано с историческими и с экономическими причинами (отсутствие авторского права у издателя). Однако язык текста перевода позволяет полагать, что перевод был осуществлен сравнительно недавно. В дальнейшем данный перевод будет идти под номером 2.

Перевод Х. Переса Маураса производит впечатление профессионального перевода, выполненного достаточно близко к тексту оригинала, без значительных отклонений. Перевод лишен стилистических неровностей. Автор перевода старается приблизить стиль к эпохе 19 века: возвратные местоимения с глаголами в личной форме пишутся в конце и слитно (*hallábase, quitábase*), преобладает использование формы на -se Imperfecto de Subjuntivo, которая в настоящее время все больше вытесняется формой на -ra (*se llevase*), а также в прямой речи в ситуациях, где сегодня привычнее встретить форму на *vosotros*, используется форма на *ustedes*.

Несмотря на достоинства перевода, тем не менее, существует ряд погрешностей. В данном переводе преобладают денотативные ошибки, преимущественно семантического вида, связанные с неверным пониманием

значения слов. Также у него возникают проблемы при переводе разговорной речи: в некоторых случаях она теряет экспрессивность и принимает нейтральный стиль, но достаточно часто встречаются и пропуски. Также встречаются ошибки при передаче антропонимов и топонимов.

По сравнению с первым переводом, перевод, изданный в Мексике, выглядит менее профессиональным. В нем используются современные синтаксис и лексика, порой неуместные для текста 19 века. При исследовании также было обнаружено множество пропусков. Но в особенности текст данного перевода выделяется количеством расширений. Можно сказать, что перевод достаточно вольный, его автор позволяет себе дополнять текст оригинала своими ремарками, пояснениями, а также эпитетами и целыми фразами. Часто это приводит к искажению смысла и нарушает прагматику подлинника. Как правило, переводчик усиливает авторскую оценку – это делает повествование еще более эмоциональным, чем у Н. В. Гоголя, в некоторых случаях даже напыщенным. При этом не выдержан стилистический регистр и "сухие" канцелярские выражения или грамматические конструкции сменяются эмоциональной и выразительной речью.

При сопоставлении рассмотренных переводов на испанский язык, первый перевод можно назвать более адекватным не только потому, что в нем допущено меньшее количество ошибок, но и потому, что он более точно передает настроение, атмосферу и стиль произведения. В общей сложности было собрано и проанализировано 150 примеров.

III.1. Денотативные ошибки.

Смысловых ошибок было обнаружено значительно больше, чем языковых, – в обоих переводах. Самый большой процент ошибок относился к разряду семантических, вызванных непониманием лексического значения слов в подлиннике. Второе место по объему заняла группа расширений, более характерных для второго, однако встретившихся и в первом переводе.

Искажения, неточности и пропуски были обнаружены в приблизительно равном соотношении.

- **Семантические ошибки.**

В текстах переводов существует много мест, в которых ошибки переводчиков совпадают.

1) Оригинал: *приказывал держать их построже.*

Перевод 1: *quería que les tratase con severidad.*

Перевод 2: *ordenaba que fueran tratados con gran severidad y extrema dureza.*

В обоих случаях переводчики неоправданно усиливают значение русского слова "построже", которое не означает "строго" или "строжайшим образом", а наоборот, имеет смягченный оттенок – у Н. В. Гоголя, скорее, наблюдается призыв не слишком баловать семинаристов, а не обращаться с ними насколько возможно строго и жестко.

2) Оригинал: *всякий козак, носивший оружие.*

И в первом и во втором переводе мы обнаруживаем словосочетание *cosaco armado*, которое на русский можно перевести как *вооруженный козак*. Такой перевод не соответствует заложенному в подлиннике смыслу. Речь идет о взрослых казаках: дело не в том, что они вооружены, а в том, что правом носить оружие обладает только взрослый козак.

3) Оригинал: *светлица*

Перевод 1: *aposeno*.

Перевод 2: *habitación*.

Хотя в первом переводе можно отметить использование устаревшей лексики (*aposeno* – покои) и стремление автора выдержать стиль произведения, однако выбранный им перевод искажает смысл, так как светлица совершенно не обязательно является спальней; это светлая комната, как правило, в верхней части дома. Во втором варианте нет серьезных искажений, с одной стороны, ведь светлица – это действительно комната, но с другой, возможно было

прибегнуть к помощи описательного перевода и передать, хотя бы отчасти, значение данной реалии.

Среди ошибок, встретившихся только в первом переводе, можно выделить два ярких примера.

1) В первом случае переводчик не распознал разговорную речь и, видимо, оттенок развязности принял за робость. Из-за этого при переводе была нарушена прагматика высказывания.

Оригинал: *Да так, хоть ты мне и батько...*

Перевод 1: *Porque, porque... aunque seas mi padre...*

Начальное "porque, porque..." создает впечатление при чтении, будто говорящий растерялся и не знает, что ответить.

2) Во втором примере незнание переносного значения слова повлекло за собой искажение всего предложения. Речь идет о пребывании семинаристов в академии.

Оригинал: *...и там уже они обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга.*

Перевод 1: *...por esto enflaquecían un poco, y adquirían un aspecto común que les hacía parcerse unos a los otros.*

Переводчик переосмыслил значение слова "шлифовать": исходя из того, что при шлифовке предметы могут истончаться, он решил, что семинаристы в данном случае теряли вес. Из-за этого дальше "что-то общее" стало означать схожесть во внешнем виде, хотя из оригинала этого прямо не следует.

Во втором переводе также встретился случай неверного понимания разговорного выражения.

1) Оригинал: *Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.*

Перевод 2: *Ante todo, como buenos cristianos, debemos sentarnos antes de emprender el camino.*

Во-первых, надо сказать, что *ante todo* не то же самое, что *теперь*, хотя для смысла это несущественно. Выражение же *como buenos cristianos*, встречающееся часто в испанском языке в разных вариациях, непосредственно связано с миром католической веры. В данном же случае *по христианскому обычаю* выступает в роли некоей поговорки, означающей "как все порядочные люди", "как полагается", и не имеет прямого отношения к христианской религии.

2) Другой пример из второго перевода связан с передачей реалии.

Оригинал: *шаровары шириною в Черное море*.

Перевод 2: *los típicos charovari del país, "anchos como el mar Negro"*.

Здесь сразу несколько неточностей. Во-первых, шаровары не являются традиционной одеждой, характерной только для Запорожья, Украины, или России, – это, скорее, восточная традиция, и само слово "шаровары" в русском языке является заимствованием из персидского языка. Поэтому добавление *típicos del país* в данной ситуации неуместно. Во-вторых, само слово *charovari*, затранскрибированное подобным образом, вряд ли широко известно испаноязычным носителям. Соответственно, оно требует комментария или описательного перевода. Переводчик как будто бы начал это делать, написав *típicos*, но почему-то вместо *pantalones* написал *charovari*, так и не объяснив сути явления. Наконец, не требует взятия в кавычки метафора *шириною в Черное море*. Из-за кавычек создается ощущение репортажа, словно переводчик присутствует при сцене, разворачивающейся в произведении, и цитирует одного из персонажей. В первом переводе переводчик успешно справляется с данной задачей: *pantalones anchos como el mar Negro*, что доказывает, что причиной искажения в данном примере не являются межкультурные или межъязыковые различия.

- **Искажения.**

1) И в первом и во втором переводе возникли затруднения с переводом следующей фразы:

Оригинал: *Путь лежит великий!*

Перевод 1: *¡Pues tenemos mucho que andar!*

Перевод 2: *¡Que el camino es largo!*

Судя по всему, причиной данного искажения послужила межъязыковая интерференция. Русским словам "великий" и "большой" в испанском соответствует одно слово: *grande*, которое меняет свое значение в зависимости от положения в предложении по отношению к существительному. Таким образом, испаноязычными переводчиками слово "великий" могло быть воспринято как синоним "большого". Разумеется, что *великий путь* не может быть коротким, но в данном случае совершенно не это имеется в виду. В переводе теряется выразительность фразы, ее поэтичность.

2) Во втором случае оба переводчика неверно поняли описываемую в подлиннике ситуацию.

Оригинал: *...или же хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидевши мужчину, и потом долго закрывать от сильного стыда рукавом.*

Перевод 1: *...séase por no faltar a las púdicas costumbres de las mujeres, el caso es que las dos echaron a correr lanzando fuertes gritos, y largo tiempo después todavía se ocultaban el rostro con sus mangas.*

Перевод 2: *...o tal vez huían como acostumbraban hacer siempre las mujeres del país cuando ven a un desconocido: lanzando un grito y echando a correr para ocultarse unos momentos el rostro en las manos.*

В первом случае совершенно некорректен перевод "lanzando fuertes gritos". Вскрикнуть – это краткое, быстрое действие. В переводе же выходит, что служанки бежали, издавая громкие вопли. До этого в тексте говорится о том, что служанки побивались своих "паничей, не любивших спускать никому".

Выходит, что они боялись их до такой степени, что с воплями от них спасались каждый раз, когда их видели, да еще и потому, что так велел некий целомудренный (добавление прилагательного *púdico* также непонятно) женский обычай.

Во втором переводе – искажения другого рода. Снова встречающееся добавление переводчика *del país*, во-первых, расширяет текст оригинала, прибавляя то, чего там не сказано. Во-вторых, из текста перевода следует, что подобная стыдливость свойственна только женщинам данной культуры, что вряд ли могло быть правдой в 19 столетии. Далее интересно отметить замену "мужчины" в русском на "незнакомца" (*un desconocido*). Возможно, из-за того, что *hombre* в испанском означает не только мужчину, но и просто человека, переводчик неверно интерпретировал значение слова. Конечно, это говорит о недостатке языковой компетенции.

3) Третий пример касается только первого перевода. Здесь также имеет место неверное понимание событий, изложенных в оригинале. В данном примере ошибка допущена в предложении, предваряющем события, упомянутые в предыдущем примере. Из комнаты выбежали две прислужницы и, увидев приехавших паничей, бросились от них бежать.

Оригинал: *...откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных монистах, прибиравшие комнаты.*

Перевод 1: *...de donde salieron a su encuentro dos hermosas criadas, cargadas de monistes.*

В переводе явно нарушена логика повествования, так как, если бы прислужницы действительно вышли встречать паничей (*a su encuentro*), то зачем бы им нужно было после этого с криками убегать. Кроме искажения, в данном примере также не переведена часть предложения: *прибиравшие комнаты*, что является неоправданным пропуском.

- **Неточности и неясности.**

Неточностей было обнаружено меньше всего в ходе анализа, в значительно большей мере встречались более серьезные погрешности, такие как искажения, пропуски, лексические ошибки.

1) Оригинал: *Самые тогдашние ученые более других были невежды, потому что вовсе были удалены от опыта.*

Перевод 1: *Los sabios de entonces no eran menos ignorantes que los otros, pues su ciencia era completamente ociosa y vacía.*

Несмотря на то, что в целом смысл сохраняется, читатель поймет, что ученость не пригодилась семинаристам, в оригинале автор подчеркивает, что они не только были настолько же глупы и неопытны, насколько другие семинаристы, но были даже их глупее. Испанский язык позволяет выразить эту мысль, поэтому трансформации переводчика в данном случае неоправданы.

2) Во втором переводе наблюдается похожая ситуация:

Оригинал: *Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию.*

Перевод 2: *A la edad de once años ingresaron en la Academia de Kiev.*

Здесь также есть и лексическая ошибка: по двенадцатому году – это doce, а не once años. При переводе пассивный залог сменяется активным, и это несколько меняет прагматику сообщения. По тексту перевода выходит, что они самостоятельно поступили в Академию, – пропадает оттенок принуждения. Ведь поступить они могли по собственному желанию. Хотя факт остается фактом: казаки начали учиться в академии, – интенция автора не совсем передана.

3) Оригинал: *смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы.*

Перевод 2: *miraban aún oblicuamente como dos inexpertos colegiales recién salidos de las aulas.*

Oblicuamente в переводе означает "уклончиво, косо". Как "уклончиво", так и "исподлобья" говорит нам о том, что человек не смотрит прямо на

собеседника. Но "уклончиво" обычно употребляется в ситуациях, когда речь идет о том, что человек пытается что-то скрыть, хитрит. "Исподлобья" несет в себе оттенок враждебности. В испанском существуют выражения "mirar con seño", "mirar de gejo", которые лучше вписались бы в контекст. Поэтому данный перевод можно рассматривать как неточный.

- **Пропуски.**

1) В первом переводе пропуски, как правило, были незначительными, но и не оправданными – многих из них возможно было избежать.

Оригинал: *Он вычислял, какие уже померли, какие живут еще. Слеза тихо округлилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.*

Перевод 1: *Contaba los que habían ya muerto, los que quedaban aún vivos, e inclinaba tristemente encanecida cabeza.*

2) Оригинал: *какие встречаются ныне только в старинных церквах.*

Перевод 1: *como los que aún existen en algunas iglesias.*

3) Во втором переводе также имели место подобные пропуски:

Оригинал: *Смотрите, добрые люди: одурел старый! Совсем спятил с ума!*

Перевод 2: *!Válgame Dios! ¡Ese viejo está loco!*

4) В одном из фрагментов текста автор первого перевода опускает значительную часть повествования: *...тот луг, по которому они могли припомнить всю историю своей жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нем чернобровую козачку, боязливо перелетавшую через него с помощью своих свежих, быстрых ног.*

Перевод 1: *Una extensísima pradera se extendía a su vista, una pradera que les recordaba toda su vida pasada, desde la edad en que retozaban sobre la hierba bañada por el rocío.*

5) В обоих переводах иногда наблюдались пропуски, нарушающие стилистику оригинального текста.

Оригинал: Иногда плохое содержание, иногда частые наказания голодом, иногда многие потребности, возбуждающиеся в свежем, здоровом, крепком юноше, – все это, соединившись, рождало в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье.

Перевод 1: *Las malas comidas, los frecuentes castigos por hambre, todo se unía para despertar en ellos esta sed de empresas que debía, más tarde, satisfacerse en la setch.*

Перевод 2: *La mala comida, los frecuentes castigos, que consistían la mayoría de las veces en ayunar, y otras medidas rigurosas y desacertadas, despertaban en los estudiantes maltratados un anhelo y una osadía que más tarde desarrollaban al pasar a Zaporogie.*

Оба переводчика не обращают внимания на лексический повтор (иногда..., иногда..., иногда...). Далее, как видно после сопоставления двух переводов, в первом случае переводчик решает пропустить непонятый им фрагмент (многие потребности, возбуждающиеся в свежем, здоровом, крепком юноше). Хотя во втором переводе переводчик не справляется с задачей адекватной передачи смысла, однако он все же пытается осуществить перевод. В целом можно сказать, что второй перевод отличается меньшим количеством пропусков, но склонностью к расширениям (*maltratados*). В первом переводе также много несоответствий, связанных с передачей имен собственных. Названия Запорожье и Сечь пишутся с маленькой буквы и воспринимаются переводчиком как полные синонимы:

Оригинал: *Гости поздравили Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.*

Перевод 1: *Los visitantes felicitaron a Bulba y a los dos jóvenes, asegurándoles que harían muy bien, y que no había escuela mejor para la juventud que el zaporojié.*

- **Расширения.**

Как уже упоминалось до этого, второй перевод отличается большим количеством расширений. Их можно условно разделить на три типа:

1) К первому типу относятся добавления, повышающие экспрессию исходного текста:

Произнес наконец Бульба. – Exclamó Bulba con voz estentórea.

Гости поздравили Бульбу. – Los visitantes felicitaron ruidosamente a Bulba.

Они были смущены таким приемом отца. – Se hallaban confusos ante la despectiva acogida de su padre.

И отец с сыном стали целоваться. – Y padre e hijo comenzaron a abrazarse efusivamente.

Ну, пойдём, дети! - сказал Бульба. – ¡En marcha, muchachos! - gritó Bulba.

Встречаются также случаи неоправданных добавлений: *Ну, хлопцы, полно спать!* – мы понимаем только из контекста, что говорит Бульба, в переводе же читаем: *¡Vamos a ver, jóvenes! - gritó con voz recia. - ¡Basta de dormir!* В данном переводе имеются и другие искажения, но об ошибках подобного типа мы уже говорили в предыдущих пунктах.

2) Ко второму типу расширений можно отнести пояснения к основному содержанию подлинника, к которым имеет большую склонность переводчик. Надо сказать, что эти добавления не искажают содержания, но упрощают произведение в целом: там, где в оригинале мы читаем между строк или просто понимаем что-то из контекста, в переводе это за нас проделывает переводчик.

Остан Бульба никак не избавлялся неумолимых розг. – Ostap Bulba no pudo librarse de las implacables varas y sintió su carne martirizada por los azotes.

Далее она не могла говорить. – No pudo seguir hablando. La emoción le truncó la palabra.

3) Наконец, к третьей группе можно отнести комментарии и оценочные суждения самого переводчика.

Самые тогдашние ученые более других были невежды... – Aunque parezca absurdo, los sabios de aquellos tiempos...

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. – Sus hijos estaban sumidos en sus propias reflexiones. Pero dejémoslos abstraídos en sus pensamientos y relatemos algo de la vida de los muchachos.

III.2. Языковые ошибки.

Наибольшее количество языковых ошибок, обнаруженных в рамках данного исследования, представляют собой функционально-стилистические нарушения. Было затруднительно оценивать нормативность языка перевода с точки зрения носителя русского языка, но было обнаружено и несколько нормативно-языковых ошибок. Тем не менее, несмотря на то, что в нашей итоговой классификации присутствует пункт "узуральные ошибки", при анализе перевода на испанский мы сочли себя не в праве оценивать текст с этой точки зрения, поэтому в данной главе эта графа будет отсутствовать.

- **Нормативно-языковые ошибки.**

Во втором переводе нами была обнаружена лишь одно языковое нарушение:

Ее опять увели. – Volvieron a separarla de sus hijos de nuevo.

Совершенно недопустимое сочетание глагольной конструкции volver a + inf. и наречия de nuevo. Конструкция volver a + inf. сама по себе означает повтор какого-то действия. Поэтому добавление de nuevo здесь излишне и является грамматическим нарушением правил испанского языка.

- **Функционально-стилистические ошибки.**

Наиболее часто функционально-стилистические нарушения возникали при передаче на испанский язык разговорной речи. Переводчикам порой не удавалось почувствовать интонацию, с которой говорили герои.

1) Оригинал: *Не смейся, не смейся, батьку!*

Перевод 1: *Padre, no te burles de nosotros.*

Перевод 2: *No te burles, padre.*

В обоих переводах речь предстает менее эмоциональной, спокойной. Не ощущается робости, с которой юные казаки пытаются противостоять своему грозному отцу.

2) Оригинал: *Что, хороша горелка?*

Переводы 1, 2: *¿Es bueno el aguardiente?*

Разговорный оттенок, создаваемый начальным *что* никак не отражен в переводе. К тому же в заданной в оригинале интонации чувствуется гордость, с которой произносится фраза. В самой форме уже заложено ожидание положительного ответа. Поэтому с точки зрения стиля и прагматики перевод недостаточно точен.

3) Оригинал: *Как бишь того звали, что латинские вириши писал?*

Перевод 1: *¿Cómo se llamaba aquel que escribió versos latinos?*

Ни разговорное *бишь*, ни ироническое *вириши* не переданы в переводе. Гораздо лучше было бы заменить *versos* на *coplas*, одно из значений которого имеет насмешливый оттенок.

4) Во втором переводе стилистические неровности возникают и в описаниях.

Оригинал: *Они были хороши под черными бараньими шапками с золотым верхом.*

Перевод 2: *Estaban hermosos y arrogantes, con los negros gorros de piel de cordero con plato de oro, que confería singular presencia a su atavío.*

Четыре кратких слова, прерываемые предлогами, явно не соответствуют стилю художественного произведения, в особенности 19 века.

Подобное описание больше похоже на надпись с товарной этикетки. Вслед за этим идет красочное расширение, возможно, призванное восполнить "сухой" стиль предыдущей части высказывания. Для сравнения можно привести удачный перевод Х. Переса Маураса: *Aumentaban su belleza sus gorras de astracán negro que terminaba en forma de casquetes dorados.*

5) Оригинал: *Бедная мать, как увидела их, и слова не могла промолвить.*

Перевод 2: *Apenas los vio su pobre madre, no pudo articular palabra.*

Толковый словарь дает следующее определение глагола articular: *pronunciar las palabras clara y distintamente.* Данное слово также вызывает ассоциации с медициной, что совершенно не соответствует устаревшему, живописному "промолвить" и не вписывается в стиль текста 19 века. В первом варианте использует глагол *proferir* (произносить), что представляется нам более удачной находкой.

Заключение

В ходе проведенного исследования была выработана обобщенная классификация переводческих ошибок, базирующаяся на существующих классификациях А. Б. Шевнина, Н. К. Гарбовского, Л. К. Латышева, А. Павловой и И. Овчинниковой. Данная классификация легла в основу анализа двух переводов на испанский язык повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

Все переводческие ошибки можно разделить на две основные группы: денотативные (смысловые) и языковые ошибки. Среди денотативных ошибок можно выделить: семантические ошибки, искажения, неточности и неясности, пропуски, расширения. К языковым ошибкам относятся: нормативно языковые, узувальные и функционально-стилистические ошибки.

Анализ данных переводов показал, что наиболее часто допускаемые погрешности относятся к типу семантических ошибок. Далее следуют искажения, пропуски, расширения и функционально-стилистические ошибки. Меньше всего в текстах было обнаружено неточностей, нормативно-языковых и узувальных ошибок.

Перевод Х. Переса Маураса представляется адекватным и соответствующим принципам современного перевода. Выделяется стремление его автора выдержать стиль в духе 19 века, как при помощи лексических, так и грамматических средств, передача содержания текста достаточно точна. Однако необходимо также отметить обилие пропусков в тексте перевода и зачастую некорректную передачу антропонимов и топонимов. В целом работа произвела впечатление профессионально выполненного перевода, отражающего дух и настроение подлинника.

В отличие от первого перевода, во втором варианте значительно меньше пропусков, но значительно больше ошибок. Автор перевода тяготеет к неоправданным расширениям: в тексте присутствует много пояснений, добавленных лично переводчиком, оценочных суждений и комментариев. Текст перевода стилистически не выдержан: встречаются неуместная своей

современностью лексика, так называемые стилистические неровности, при которых эмоциональная, напыщенная речь сочетается с "сухими" невыразительными грамматическими конструкциями.

Все обнаруженные в ходе ошибки и недочеты удалось распределить по группам предложенной классификации и на основе полученных результатов сопоставить два перевода и сделать вывод об их качестве.

Список использованной литературы

1. Алексеева И. С., Основы теории перевода. – СПб: Институт Иностранных Языков, 1998. С. 352
2. Бархударов Л. С., Язык и перевод (вопросы общей и частной лингвистики). – М.: "Международные отношения", 1975. С. 240
3. Вайнрайх У., Языковые контакты. – Киев: Изд-во при КГУ изд. объединения "Вища школа", 1979. С. 246
4. Влахов С., Флорин С., Непереводимое в переводе. – М.: "Международные отношения", 1980. С. 328
5. Гарбовский Н. К., Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во московского университета, 2004. С. 537
6. Гоголь Н. В. Тарас Бульба. – М.: Гослитиздат, 1944. С. 115
7. Иовенко В. А., Национально-культурное мировидение в переводческом измерении. – М.: Изд-во "Мгимо-Университет", 2013. С. 204
8. Комиссаров В. Н., Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. С. 253
9. Латышев Л. К., Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения). – М.: "Международные отношения", 1981. С. 248
10. Латышев Л. К., Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. – М.: Издательский центр "Академия", 2005. С. 320
11. Лепухова Н. И., Прагматический аспект перевода. – Киев: Институт филологии КГУ им. Тараса Шевченко, 2015. С. 160-164
12. Нойберт А., *Прагматические аспекты перевода* // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. – М.: Международные отношения, 1978. С. 195-197

13. Павлова А., Овчинникова И., Переводческий билингвизм (по материалам ошибок письменного перевода). – М.: Изд-во Флинта, 2016 (в печати) – М.: Изд-во Флинта, 2016 (в печати)
14. Павлова А. В., Светозарова Н. Д., Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода. – СПб: Изд-во "Антология", 2012. С. 480
15. Рецкер Я. И., Теория перевода и переводческая практика. – М.: Изд-во "Р. Валент", 2007. С. 244
16. Сдобников В. В., Петрова О. В., Теория перевода. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2006. С. 448
17. Чуковский К. И., Высокое искусство. – М.: "Советский писатель", 1968. С. 384
18. Nikolái Gógol. Tarás Bulba. Traducción de J. Pérez Mauras, Renovacion, B. Aires, 1999. 108 pag.
19. Nikolai Gogol. Tarás Bulba. México: Siglo Veintiuno Editores, 2000. 129 pag.

Интернет-источники

1. Куниловская М. А., Классификация переводческих ошибок и их электронная разметка в brat. – <http://rus-ltc.org/references/classif.pdf>
2. Мунэн Ж., Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт. – М.: 1978
<http://www.philology.ru/linguistics1/mounin-78.htm>
3. Пробштейн Я., Соблазны перевода. –
<http://gefter.ru/archive/13580>
4. Федоров А. В., Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2002. –

http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/osnowyobshejteoriiperewoda2002.shtml

5. Швейцер А. Д., Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: 1988 http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/shveyz/
6. Шевнин А. Б., Эрратология и межъязыковая коммуникация. – 2004 <http://cyberleninka.ru/article/n/erratologiya-i-mezhyazykovaya-kommunikatsiya>
7. Шевнин А. Б., Паранормативы в переводе: несоответствия экспрессивного типа. – 2009
<http://cyberleninka.ru/article/n/paranormativy-v-perevode-nesootvetstviya-ekspressivnogo-tipa>